

Геннадий Прашкевич, Алексей
Гребенников

На борту «Уззы»

*Часть сборника
Земля навывлет (сборник)*

Геннадий Мартович Прашкевич Алексей Иванович Гребенников На борту «УЗЗЫ»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18523302

Земля навьлет : [фантастический роман] / Геннадий Прашкевич,

Алексей Гребенников: Э; Москва; 2016

Аннотация

«В черном пространстве контрольного экрана одиноко пылал коричневый карлик – как далекий маяк, указывающий путь „Уззе“. Экипаж отдыхал. Только в кают-компании бортовой психолог фрау Ерсэль и капитан Поляков выясняли отношения.

„Стармех Бекович скоро завалит нас мышинными хвостами!“

„Я доволен действиями стармеха, тайтай“.

„Но тридцать хвостов за сутки!“

На Земле учителем фрау Ерсэль был известный психиатр Эжен Сютри. Он так хорошо поставил дело, что скоро оказался единственным пациентом собственной клиники. Зато он был из тех, кому позволялось работать с раскаявшимися террористами...»

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Геннадий Прашкевич, Алексей Гребенников На борту «УЗЗЫ»

*Красота уравнений важнее, чем их
соответствие экспериментальным данным.
Поль Дирак*

Часть первая Свои

альфа

Вероника Стрешневa (28 лет, ксенопсихолог).

Бортовое время – 11:00.

Результаты тестирования:

(файл вырезан)

бета

В черном пространстве контрольного экрана одиноко пылал коричневый карлик – как далекий маяк, указывающий путь «Уззе». Экипаж отдыхал. Только в кают-компании бортовой психолог фрау Ерсэль и капитан Поляков выясняли отношения.

«Стармех Бекович скоро завалит нас мышинными хвостами!»

«Я доволен действиями стармеха, тайтай».

«Но тридцать хвостов за сутки!»

На Земле учителем фрау Ерсэль был известный психиатр Эжен Сютри. Он так хорошо поставил дело, что скоро оказался единственным пациентом собственной клиники. Зато он был из тех, кому позволялось работать с раскаявшимися террористами.

«Возмущаться несправедливостью, но не впадать в пессимизм!»

Я понимал фрау Ерсэль. И не мог оторваться от контрольного экрана.

Очередные, выброшенные с корабля зонды выдавали на контрольный экран изображение «Уззы»: чуть перекошенный силуэт архаичного утюга с широко раскинутым парусом локатора и выдающейся килевой частью.

Наверное, Чужие любили сложную геометрию.

гамма

Бекович (45 лет, старший механик).

Бортовое время – 11:00.

Результаты тестирования:

– Часто вспоминаете Землю?

– Со дня старта – ни разу.

– Причины?

– «Живем в счастливые времена», – говорят ублюдки. «Золотой век давно миновал», – говорят еще бóльшие ублюдки.

– Кажется, что-то подобное писал в воззваниях ваш брат.

– Идеи терроризма меня никогда не интересовали.

– Как идет охота на мышей?

– Предоставить официальный отчет?

– Спасибо. Предпочту личные впечатления.

– Тогда отвечу так: охота идет удачно.

– Откуда на «Уззе» появились мыши?

– Будь вы ублюдком, тайтай, вы задали бы именно такой вопрос.

– Ладно. Скажите, сколько хвостов вы добываете за сутки?

– До пяти-семи. Кэп обещает отгул за каждые полсотни.

– Как думаете использовать возможный отгул?

– Активизирую охоту.

– Думаете выловить всех?

– Вряд ли. Мыши на «Уззе» плодятся, как настоящие!

– Настоящие? Что вы имеете в виду?

– Исключительно наш корабль.

– А яснее?

– «Тип корабля – не определен. Тип двигателя – не установлен». Лишившись господина У, мы потеряли возможность подробно узнать нашу «Уззу». Мы не знаем, откуда

на корабле мыши. Чтобы их выловить, надо изучить самые удаленные уголки. Все эти сжимающиеся коридоры, запутанные ходы, неработающие лифты, появляющиеся и исчезающие тупики...

– Где вы росли, Бекович?

– Мазендеран, север Ирана.

– Наверное, пустынные места?

– Верно. Там и людей нет, одни ублюдки!

– Вы росли в семье вместе со старшим братом?

– Ну да, первые восемь лет. Потом он убил муллу и его увезли в город.

– Вы никогда не сочувствовали террористам?

– Никогда.

– Осознанно?

– Не знаю, как ответить, тайтай.

– Ответьте, как считаете нужным.

– Господин У любил рассказывать такую притчу. Одному больному ублюдку, тайтай, назначили для лечения корень женьшеня. Он отдал за корень все свои сбережения и решил для надежности выпить настой сразу, чтобы в короткое время победить болезнь. В итоге ублюдка обнесло ужасными нарывами. Пришлось ему продать последнюю курицу и купить редьку для компрессов. Понимаете? И женьшень куплен зря... и на редьку потратился...

– Почему вы суровы к роботам?

– У них нет души, тайтай.

– Даже боюсь спрашивать, кто они...

– Я не совру. Ублюдки!

– Вам хотелось попасть в экипаж «Уззы»?

– Когда мой брат устроил взрыв на верфи, я понял, что обязан участвовать в проекте. Любой попытке разрушения следует противостоять, иначе мы ничего не добьемся.

– Потому и покончили с карьерой пилота «формулы один»?

– Такая связь существует. Но я был лучшим.

– Помните китайский этап 2032 года?

– Конечно. К этому этапу я уже доказал, что могу ездить быстрее всех. В Сингапуре, тайтай, я выиграл у Дарби целую минуту. То же – в Монако и в Бразилии. И был первым в Абу-Даби.

– Но не в Китае...

Приложение к тестированию.

(Выдержки из спортивного репортажа):

«Йонг, Людвиг, Волович, Дэвид... Трассу заволокло желтой пылью... За Дэвидом следует Вебер, он выходит на обгон, но не-е-ет, не-е-е-ет... Вебер не вписывается в поворот, его достает Бекович. Он всех достал, этот Бекович. Похоже, он пришел в „формулу“ всерьез и надолго, а не просто как платный пилот с пятью миллионами спонсоров... Оооооооо... Бекович влетает в груды гравия... К нему бе-

гут китайцы. „Толкайте!“ Бекович буквально орет. „Толкайте!“ Нет, Бекович, тут вам не будет трактора. Это Китай. „Толкайте, ублюдки!“ – кричит Бекович. Китаец-механик толкает заглухший болид... Два китайца... Три китайца, четыре, пять... Да соберите хоть весь Китай... Бекович уже не орёт: „Ублюдки!“ – он так думает. Да и Ральф Кимми, похоже, доездили. Ох, Кимми, Кимми, сбрось скорость... Болид Ральфа Кимми врывается в болид Бековича. Они горят. Не пить Бековичу шампанского в Китае. Напрасно он твердит, что его место всегда лучшее...»

дельта

«Южная оранжерея, кэп!»

«Вижу, Стеклов, теперь вижу».

«Отправить в оранжерею дежурных?!»

«Продолжайте наблюдения. Где Бекович?»

«На связи!» – мгновенно отозвался старший механик.

«Выходы из оранжереи перекрыты? Психологи оповещены?»

«Я на связи, – отозвалась фрау Ерсэль. С другого экрана молча кивнула ксенопсихолог Вероника. – В пять сорок семь по бортовому времени вахтенный Стеклов обнаружил движение в южной оранжерее».

По экранам прошла нежная рябь, высветились рябиновые аллеи.

Совсем недавно прошел дождь, искусственное небо

в оранжерее потихонечку разъяснялось. Ремонтные работы Бековича («быстро сориентировались, ублюдки!») волокли по траве пластиковые мешки с чужими клеймами. Другие расставляли складные столики, расставляли в траве стулья, стряхивали с нависающих веток нежных гусениц и охотящихся на них муравьев.

«Ксенопсихолог! Что вы думаете об этом?»

Теперь мы все видели ясные, сложно перемещающиеся тени.

«Ой, на меня падают червячки», – прозвучал незнакомый голос.

И ответил такой же незнакомый: «Они и будут падать. Время любви».

«Это люди? – спросила фрау Ерсэль. – Как они оказались на „Уззе“?»

Все повернулись к Веронике, но ксенопсихолог молчала. Только потом произнесла: «Фантомная память!» Объяснять она ничего не стала, но доктор Голдовски тоже не разделял общей тревоги. Узкие солнечные лучи отвесно падали в оранжерею, трава влажно дымила.

«Подключите роботов!»

Мы вновь увидели оранжерею. На этот раз совершенно отчетливо.

Так бывает, когда неожиданно выходишь из темного помещения на солнце.

Кажется, ты уже навеки забыл про четкие изгибы, тени,

линии, но вот они перед тобой! Каждый отдельный листочек, каждая гроздь, каждая тропинка. Ремонтные работы не успели вывезти палую листву, а их уже переориентировали – заставили таскать и расставлять складные столики.

«Тут как на Гвинее», – раздался мужской, странно знакомый голос.

«Ой, не надо! – ответила женщина. – Там малярия и лихорадка!»

«Зато листва в цвете!»

«А я хотела спросить... Как раз про цвет... Если сканировать яркую картинку, краска сильно тратится?»

«Само собой. Это как красить волосы».

эпсилон

Я узнал отца.

«Фантомная память».

И сразу вспомнил последний сон.

Приснилась ксенопсихолог – жди Чужих.

Только мне часто не везет. Я буду последним, кто увидит Чужих.

Ксенопсихолог Вероника снилась мне и раньше, но всё равно я буду последним, кто столкнется с Чужими. Я и на «Уззу» попал последним, и снится мне обычно то, что уже снилось другим. Пугающий вой сирен (врывающийся извне), грохот башмаков по железным трапам, пламя – как личинок вылизывающее людей из оплавленного ударом

железа. Падают защитные шторы, гаснут иллюминаторы.

И все это незаметно перерастает в реальную учебную тревогу.

«На шкентеле! – орет, багровея, капитан Поляков. – Как строй держите?»

Все стараются. Старший техник Цаппи особенно старается. Волосы торчат над круглой римской головой, будто он укладывал их петардой. Программисты, механики, навигаторы, техники, физики, свободные от вахт марсовые косят налитыми кровью глазами на шелковый флаг Земли, а Цаппи и коситься не надо – у него с детства глаза врзлёт. Он – моя единственная удача. В компании с механиком Лавалем за три дня до старта Вито Цаппи попал в руки террористов. Через семь часов их отбили, но Лаваль с огнестрельным ранением угодил в госпиталь; так я получил последнюю возможность оказаться на борту «Уззы».

Чужие мне снились часто. Но ксенопсихолог Вероника оставалась недоступной. Другой вес, другой класс. Она – человек со шканцев, я с бака. Собственно, и Чужие не снились мне. Просто в забортной тьме медленно крутились звездные течения, играя смутными отблесками...

А потом ксенопсихолог Вероника стояла рядом с капитаном Поляковым, опять далеко от меня, как другая галактика. Длинные ноги, зеленый комбинезон, подобранные волосы. Вряд ли она выделяла меня в общем строю. Это на Земле никак нельзя было не заметить мой роскошный «мокрый

дуплет».

Ах, любовь на заднем сиденье! Моя девушка не напрасно плакала, провожая нас всех на «Уззу». Она плакала навзрыд, правда, ксенопсихолог об этом не знала. Ее дело – Чужие, ее дело – возможный контакт, возможные модели поведения. Расставания с любимыми не затрагивают ее холодного ума. Я для ксенопсихолога всего лишь один из многих, что-то вроде Черного Ганса – нашего палубного кофейного агрегата. Потому она и не снится мне, а снятся Чужие – клубящаяся за бортом тьма. Мораль, она ведь как линия горизонта – ее можно пересечь только ночью, при выключенном свете. А как увидеть ксенопсихолога при выключенном свете? Это на Земле девушки с радостным визгом прыгали в мой летающий рыдван. Врожденное несовершенство самой ординарной летающей машины легко можно выдать за роскошь богатого «Бугатти-Ту», ведь желтые брызговики, блестящие китайские зеркала, чехлы из меха чебурашки, руль диаметром с глушитель и глушитель калибром с руль – устанавливал я сам.

«Может, еще наддув вкорячить?»

«Вкорячить можно, – соглашались ремонтники. – Только во что это обойдется?»

Обойтись могло в цену самой машины. Такие кредиты мне не светили. Ну, мелкий апгрейд, ну, замена сцепления, убитого в любительских драг-заездах, теперь это не важно. Не какие-то особенные качества привели меня в эки-

паж «Уззы», а всего лишь прихоть судьбы: можно сказать, для меня постарались террористы, ранившие Лавалья. Правда, стармех Бекович сразу меня полюбил: уже на третьем дежурстве я отмывал нижнюю палубу всего четырьмя ведрами мыльной воды. Но, возможно, Бекович считал меня роботом, как знать. Своих многочисленных любимцев он с гордостью и любовью именовал ублюдками. Я бы добавил: гениальными. Самый непрезентабельный робот Бековича ножом и вилкой всего за одну минуту мог съесть стакан семечек.

Ублюдки Бековича и обнаружили аварийный участок.

«Мыши!» – доложил я (дежурный) стармеху.

«Мыши!» – доложил стармех капитану.

«Мыши? На борту „Уззы“? У нас и пылинки не может быть!»

Никто и не спорит. Пылинки у нас и не найдешь. Но на видеозаписях, представленных умелыми роботами Бековича, серые грызуны весело лакомились цветной изоляцией в сумеречных пространствах ходового (недоступного для людей) отсека.

Все же одну мышь отловили. И обнаружили на задней лапке, как неведомое клеймо, крошечный знак «Уззы» – иероглиф, читающийся как «раздвинутая решетка». Корабельный психолог фрау Ерсэль осторожно пыталась навести капитана на мысль о возможном земном происхождении грызунов, но катастрофическое несовпадение взглядов капитана и фрау Ерсэль давно известно. В их споры мог вмеша-

ваться только доктор Лай. Оказывается, на его родном языке указанный иероглиф означает «братья». Это несколько сглаживало тревогу. Но тот же иероглиф по-китайски означал «предел знания». Это настораживало. И тот же самый знак, в зависимости от контекста, мог означать «встречу»...

...«путь терпения»...

...«большой разум»...

«А почему, черт побери, не инвентарный номер?»

Доктор Лай улыбчиво пожимал узкими плечами. Почему бы и нет? Каждый человек однажды в жизни встречается развилку. Но один садится и плачет, а другой выбирает верное направление.

«Вы еще скажите, что этот знак употребляется и как числительное!»

Доктор Лай улыбчиво пожимал узкими плечами. Понимание и объяснение не всегда совпадают. Пусть капитану Полякову не покажется странным, но в определенном контексте иероглиф «узза» в самом деле употребляется китайцами как числительное.

В результате я, марсовый Александр Стеклов, получил три внеочередные вахты, а стармех Бекович – замечание. Вполне законно, между прочим. По корабельному Уставу во всем виноват тот, на чье дежурство приходится незапланированное событие.

«Странно, что мыши начали с изоляции...»

«Почему, Бекович, вы смотрите на меня?» – возмутилась

фрау Ерсэль.

Объяснять что-либо «небольшой медведице» (так переводится имя фрау Ерсэль с немецкого, а тайтай – всего лишь уважительная приставка к имени) стармех счел ниже своего достоинства. Приказ, отданный им ублюдкам, гласил: «Ловить и рубить хвосты!»

Мышам, конечно.

В космосе проблемы решаются кардинально.

дзета

«...как на Гвинее».

Сравнить оранжерею «Уззы» с гвинейскими джунглями мог только мой отец.

«Там малярия и лихорадка!» – произнесла женщина, но голос отца почти не изменился. Он возразил: «Там листва в цвете!» Конечно, я узнал отца, хотя последний раз мы виделись очень давно – в клубе Славы, где друг отца Санти Альварес угощал меня бузинным напитком.

Санти Альварес был уверен, что юношам вроде меня ничего другого и не нужно, кровь должна кипеть в жилах сама по себе. Он видел, как жадно я озираю зал – кубки, портреты, модели знаменитых космических кораблей, уютные столики, за которыми сидели знаменитые и пока не очень знаменитые пилоты, ученые, конструкторы, финансисты.

«Бузинная настойка стоит копейки, а подается вообще бесплатно».

Санتي Альварес мне нравился; несмотря на возраст (сорок пять лет), борода у него была белая, как у Саваофа. «Непременно прилетай, мой мальчик, в Мехико. Осенью я набираю новый философский курс. Мы всегда начинаем с самых Начал, понимаешь? Интересны всегда самые Начала. Ты ведь хочешь жить в счастливом мире?»

Я хотел. Очень.

Я собирался в Мехико.

Я тогда не знал, что, оказывается, счастье мира опирается на тайных бойцов Железного Драйдена и Санти Альвареса. Зато знал другое: Санти Альварес – друг моего отца, а мой отец, капитан Стеклов, командует Модулем – к тому времени самым дорогим космическим объектом, построенным землянами.

«Я, наверное, никогда не попаду в космос».

Санتي Альварес ответил: «Как знать?»

Смысл его слов дошел до меня позже.

Однажды в «Новостях» я услышал любимую притчу Санти Альвареса – тайного финансового покровителя террористов, к тому времени арестованного властями.

У одного старика пропала лошадь. Соседи старику сочувствовали, но сам он ничуть не переживал: «Как знать? Может, это к удаче».

И правда, пропавшая лошадь скоро вернулась, даже привела с собой неизвестно кому принадлежащего жеребца. Соседи бросились поздравлять внезапно разбогатевшего стари-

ка, но тот только качал головой: «Как знать? Может, это к беде».

И правда, на другой день сын упал с жеребца и в двух местах сломал ногу.

Соседи сочувственно жали старику руку, но он твердил: «Как знать?»

И опять оказался прав: началась война, всех молодых людей призвали в армию...

эта

На Земле мы готовились к неизвестному.

Но кто знает, как надо готовиться к неизвестному?

Мы изучали корабль, но бесчисленные переходы и галереи «Уззы» сами по себе постоянно менялись. Мы не знали пункта назначения – но, видимо, нам и не надо было этого знать. Мы строго следили за порядком на борту, но в ходовом отсеке вдруг появились мыши. Более того, в оранжерее «Уззы» бывший экипаж Модуля устроил стихийный пикник. Их там собралось человек двенадцать.

«Они всю траву вытопчут».

Но доктор Голдовски, отключаясь, бросил:

«Полагаю, что силовую защиту оранжереи можно снять».

Стармех изумленно уставился на капитана: «А если *они* – (он подразумевал под *ними* гостей) – разбредутся по кораблю? Мало нам мышей?»

«А кстати, что там с мышами?» – выдохнул Поляков.

«Это вовсе не мыши», – ответила фрау Ерсэль.

«Как вас понимать, тайтай?»

«Это *одна* мышь».

«Клоны?»

Стармех возмутился: «Как это одна? Я ловлю их каждый день. Их много!»

«И все же, – возразила фрау Ерсэль, – это всего лишь *одна* особь».

«Но я лично выловил их три десятка!»

Фрау Ерсэль кивнула. Слова стармеха ничего не меняли. Генетический анализ указывал на *единственность* появившихся на борту мышей.

Я тоже не понимал. Почему доктор Голдовски не заинтересовался экипажем пропавшего Модуля? И что значит – «фантомная память»? Я ведь отчетливо видел отца, слышал его слова. «Ой, мне бы темные очки, – заглядывала в его глаза черноволосая спутница. – Мне бы сейчас волосы собрать в хвостик и балахонку какую-нить старую с кедами...» Почему ксенопсихолог Вероника не сочла нужным проявить хоть какой-то интерес к этой, как они выразились, «фантомной памяти»?

«Где пиво?»

Непрошенные гости хотели пива!

«Загляните в морозильник!»

«Вы бы его еще в дефлегматор залили!»

Отец щурился.

Взгляд казался усталым.

А черноволосую спутницу я вспомнил.

Тогда, в клубе Славы, она держалась несколько в стороне, по крайней мере я не помнил, чтобы она что-нибудь говорила. А звали ее Аннор. Я слышал, как отец в оранжерее объяснял ей: «...оболочка с нейтринной звезды слетает в доли секунды... Да это так... Все пространство космоса, милый друг, как содранными скальпами, замусорено газовыми оболочками...»

«Какой ужасный фэншуй!»

тета

Вито Цанни (32 года, старший техник).

Бортовое время – 21:30.

Результаты тестирования:

- Что вы думаете о морали?
- Усложнения ей не на пользу.
- Легко уживаетесь с самим собой?
- Если поступки не противоречат желаниям.
- Скучаете по Земле? Мучают вас воспоминания?
- Скорее, сны, тайтай. Я в них хромаю. Мысленно, конечно. Боюсь, что люди «Железного Драйдена» решат, что мне досталось меньше, чем следовало.
- Но мы на «Уззе»!
- Это не отменяет снов.

– Вы хорошо знали капитана Стеклова?

– Служил с ним на прогулочном судне «Лебедь». Транспортировка туристов, всего лишь. Капитан «Лебедя» Эжен Дюммель был профессионалом с безупречным послужным списком, но в космосе никто не гарантирован от приступов «синдрома пустоты». Кажется, вы занимались этим синдромом, тайтай? На полпути к Луне капитан Дюммель приказал пассажирам срочно улечься в аварийные криокамеры. Понятно, кое-кто воспротивился. Замечу, что в официальном отчете, тайтай, смерть капитана Дюммеля рассматривалась как самоубийство.

– Но стрелял Стеков?

– Не буду оспаривать. Он был первым помощником Дюммеля.

– Почему случившееся на «Лебеде» не помешало капитану Стекову возглавить экипаж Модуля?

– Умение вовремя сделать выбор в космонавтике всегда приветствуется.

– Какие сны вас мучают, Вито?

– Это один и тот же сон. Всегда один и тот же сон. Я проваливаюсь в него как в пещь огненную.

– И никаких исключений?

– Никаких!

– Что вам снится?

– Скудоумный пейзаж, тайтай. Как на западном берегу Красного моря. Голые оплавленные камни. А я в шортах

и босиком. И голова непокрыта.

– Не пытались навернуть рубашку на голову?

– Наверное, я боюсь... Там, в своем сне, я всего боюсь...

Говорю же, я там, во сне, даже хромаю. Лучше страдать под палящим солнцем, чем снова оказаться в руках террористов. Я там бреду один под палящим солнцем, и все вокруг выжжено. Даже возникающие вдали домики кажутся раскаленными. У меня мозг вскипает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.